

честь, мужество, находчивость, военная хитрость — вот что выручает в борьбе с врагами дружину и князей „поганых“ и принявших христианство. Единственное исключение — рассказ о смерти Олега, предсказанной волхвом; однако самое это предсказание может расцениваться как своеобразная месть князю-захватчику.

Реализм устного эпоса, созданного трудовым народом, подчеркивает идеалистическую сущность сказок, выросших на почве старой религии — скорее всего среди служителей этой религии и уже лишь поддержанных отсталыми слоями народа. Этим сказкам с течением времени как раз и суждено было слиться с легендами и сказками, опиравшимися на представления сменившего язычество христианства. И в этом родстве суеверий обеих религий — объяснение того, что „мьчту“ „бесовьского наущения“ христианин-летописец считает возможным ввести в свой рассказ. Больше того: летописец всерьез убеждает читателя, что „бесовьская вълшвеня бывають“, особенно через женщин. Так общая идеалистическая основа заставила летописца, в сущности, признать то, против чего он пытался возражать.

Народное предание и сказка были не единственными формами, в которых устнопоэтическая традиция отразилась в летописи. Не раз исследователями указывалось на наличие в летописном тексте ряда пословиц и поговорок.

В Повести временных лет, однако, пословица-поговорка вводится лишь вместе с народным преданием. Летописец не пользуется еще в собственном повествовании выделенной народной пословицей — такое ее применение придет позднее. Для подкрепления своих собственных размышлений летописец предпочитает пользоваться книжными изречениями, дающими ему возможность противопоставить новое христианское отношение к событиям и новую оценку поведения человека — всегда идеалистическую, — реалистическому мировоззрению устной пословицы.

Летопись XI—XII вв. воспроизвела заговорно-заклинательные формулы. Так, исконные клятвы над оружием угадываются под заговорными формулами договоров с греками Игоря и его сына Святослава.

Однако за исключением более или менее прочных фразеологических сочетаний, закрепленных в пословицах, поговорках, заклинаниях, — трудно установить, что в ярком и выразительном языке старшей летописи может быть отнесено к поэтической речи фольклора. Огромное воздействие на язык летописцев образности живого русского языка — факт неоспоримый. Но почти невозможно в каждом отдельном случае определить, прошла ли уже эта живая речь через обработку фольклорной практики, прежде чем она достигла летописного рассказа. Задача историков русского языка — разобраться в этих сложных вопросах образования поэтической фразеологии старших